

*Рецензии***Нужная книга о главном**

Отклик на книгу:

Людмила Луцевич. Память о псалме. Sacrum/profanum в современной русской поэзии. – Варшава, 2009. – 488 с.

Т. М. Колядич

Новая книга профессора Варшавского университета Людмилы Луцевич, автора 5 монографий и множества статей, продолжает прежние изыскания автора, отражённые в монографии «Псалтырь в русской поэзии» (2002), посвящённой роли «псалтырного текста» в древнерусской книжности, европейской лирике и русской поэзии XVII–XVIII вв. На сей раз предметом рассмотрения стали в основном произведения второй половины XX в., испытавшие на себе воздействие библейской поэзии. Особое внимание уделено истории такого универсального жанра, как стихотворное переложение псалмов, изначально соединившее в себе *sacrum/profanum*.

Избранный автором временной отрезок ещё не подвергался столь объёмному и многостороннему исследованию. Материал охватывает и анализ поэтики, и историю бытования неофициальной, неподцензурной поэзии, которая, несмотря на все запреты, продолжала создаваться и интересна целым рядом значительных поэтических имён.

Формируя методическую основу исследования, автор активно привлекает труды предшественников. В частности, высказано авторское отношение к осмыслению А. Панченко традиций стихотворного перевода Псалтыри. Главным авторитетом для Луцевич становится С. Аверинцев. Хотя в центре всё же остаётся звучащее слово. Вводя обширный поэтический материал, автор показывает, что он доступен для изучения как в текстовом, так и в электронном виде. И это делает монографию интерактивной, позволяя читателю проследить самому отмеченные взаимодействия, воспользовавшись услугами Интернета.

Именно комплексность подхода, стремление к классификации одного из сложнейших и уникальных явлений русской культуры является главным достоинством работы Л. Луцевич. Первый этап осмысления связан с религиозными интенциями русского авангарда 50-60-х годов, когда восстанавливалась утраченная модернистская традиция, выражался в игровом стремлении всё перекроить, переосмыслить, увидев мир в его различных связях, в том числе и библейских. Отсюда и использование многочисленных перифраз, метафор, библейских образов.

Среди доминантных фигур автор выделяет И. Холина и Г. Сапгира, выдвинувших вековечные псалтырные темы, образы, концепты и коннотации. Г. Сапгиру посвящена отдельная глава исследования, обозначается проблематика его творчества, раскрываются особенности поэтики, важными конструктивными элементами которой являются ирония, языковая игра, особая форма балагурства.

Последовательный анализ отличает авторский подход, здесь нет голословных утверждений, а проводится строгая опора на текст наряду с кратким историческим экскурсом. Упоминаются и другие значимые фигуры первого периода. Среди них создатель словечка «сам-себя-издат» Н. Глазков, а также прямой наследник поэзии русского символизма и романтической эстетики Н. Гумилева Р. Мандельштам. Последний относился к питерской группе «Орден нищенствующих живописцев». Среди москвичей оказались отмеченными представители «Мансарды», Л. Чертков и Н. Шатров. Воспринимая молитву как поэтическое стихотворение особого свойства, автор рассматривает своеобразие молитвенной парадигмы у Н. Шатрова. Судьбы и поэтические стратегии переплетаются в исследовании Луцевич, соединяясь в единый портрет времени.

Последовательно перемещаясь по поэтическому пространству XX в., автор подходит к отражению «Псалтыри» в поэзии. Значимый для неофициального искусства игровой акцент проявился в разнообразных переключках. И здесь важна фигура Е. Мнацакановой, испытавшей влияние Псалтыри и пришедшей к необычной форме. Она вела фонологические поиски, её творчество отличается особой музыкальностью, позволявшей выразить настроения тоски и безысходности. Автор монографии не только исследует смелый стиховой эксперимент на основе библейского текста, но и обстоятельно вводит в историю поэзии новое имя.

«Длинные семидесятые» и зарождавшаяся «вторая культура» содержательно образуют, по мнению Л. Луцевич, второй этап. Для него характерно уже более открытое обращение к библейским ценностям, но только в содержательном и поэтическом аспектах, но и в виде авторского мировосприятия, когда делаются попытки христианско-мистического осмысления бытия. Идущее от Серебряного века мистическое жизнестроительство решалось в русской метафизической поэзии В. Кривулиным, С. Стратановским, О. Седаковой, Е. Шварц.

Доминантной особенностью авторов оказался принцип взаимодействия, когда библейские концепты проявляются в одном интертекстуальном поле с мифологическими, литературными, собственно историческими концептами. Выбор автора книги предопределён его задачами, поэтому имя другого ленинградского поэта, И. Бродского, известного своим обращением к религиозным темам и мотивам, проходит фоном. Но он позволяет вписать в традицию творчество, например, Е. Шварц, которой также посвящена отдельная глава.

Множественные связи буквально пронизывают текст книги, делаю его необычайно информативным. Хотя подробно рассматриваются лишь значимые для автора ключевые фигуры (назовём также обращения к поэзии О. Николаевой, О. Седаковой), многочисленные врезки позволяют представить поэтов разных поколений и отличающихся своим почерком.

Особую сложность представлял подбор имён для третьего этапа, связанного с перестроечным и новейшим периодами, поскольку рубежные периоды изобилуют творческими поисками. В данном случае началось и религиозно-поэтическое возрождение, когда возникла возможность открытого обращения к читателю. Автор показывает сложившееся многообразие с помощью жанровых поисков, кроме псал-

мов, появлялись песенные переложения (Ю. Ким, Л. Колодяжная), «игры», диалоги (Н. Байтов, В. Строчков), пересмешки (Т. Кибиров). Не обошлось и без переводов и переложений (В. Горт, В. Куллэ). Столь обширный ряд позволяет рассмотреть разнообразие авторские интенции. Среди центральных фигур поэзии новейшего периода оказываются Ю. Кабанков и С. Кекова, рассмотренные автором в отдельных параграфах. Обращаясь к Псалтыри, каждый поэт видел её по-новому, обнаруживая вечное в преходящем, соединяя поэтический эпатаж с нравственной глубиной библейского текста.

Конечно, даже такая обстоятельная работа не исчерпывает данную тему. История изучения русской псалтырной поэзии только начинает складываться, и приятно, что завершился процесс установления основных вех её развития. Л. Луцевич показывает, что переложения псалтыри, с одной стороны, связаны с идейными и культурными тенденциями эпохи, а с другой — обнаруживают совершенно специфические черты, пока практически не учтённые в анализе общего пути развития русской поэзии. Библиографическая культура монографии проявилась и в подробной библиографии, и в именном указателе, что облегчает систему поиска и позволит будущим учёным найти свой аспект исследования.